

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том IV

Степан Васильевич Смоленский
ВОСПОМИНАНИЯ

Казань

Москва

Петербург

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ М. И. ГЛИНКИ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
Том IV

Степан Васильевич Смоленский
ВОСПОМИНАНИЯ

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии:

Н. И. Кабанова

Научная редакция:

М. П. Рахманова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2002

ББК 85.318
Р 89

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16096

Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах.
Т. IV. Степан Васильевич Смоленский. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург / Гос. центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки; Подгот. т-та, вступит. ст., коммент. Н. И. Кабановой; Науч. ред. М. П. Рахманова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 688 с., ил. – (Язык. Семиотика. Культура.)

ISBN 5-94457-056-3

Впервые публикующиеся Воспоминания Степана Васильевича Смоленского можно поставить в ряд лучших русских мемуаров описываемого автором периода от 60-х годов XIX века до первых лет следующего столетия. Составители соавторили, что этот текст по своему содержанию не может полностью вписаться в рамки данной тематической серии, хотя в проблематике духовной музыки самым непосредственным образом относится большая часть Воспоминаний, прежде всего седьмая и девятая главы, посвященные Синодальному хору и училищу и Придворной певческой капелле (по объему примерно две трети мемуаров), а также фрагменты шестой главы, где рассказывается об опытах приобщения к церковному пению поволжских инородцев, отдельные очень выразительные страницы казанских глав, главы о С. А. Рачинском и т. д.

Широта содержания Воспоминаний Смоленского, отражающая талантливость и многосторонность натуры их автора, который был прежде всего деятелем жизни, потребовала в ряде случаев подробного комментирования, с привлечением других материалов из архива Смоленского. Публикуемый после Воспоминаний Биографический очерк Н. Ф. Финдейзена отчасти восполняет не освещенный в Воспоминаниях последний период жизни автора и расставляет некоторые важные вехи и акценты в отношении всей его биографии.

ББК 85.318

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-056-3

9 785944 570567 >

© Н. И. Кабанова. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии, 2002
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995

Оглавление

От научного редактора (<i>Марина Рахманова</i>)	7
Степан Васильевич Смоленский и судьба его архива (<i>Надежда Кабанова</i>)	13

Воспоминания

Вступление	55
<i>Глава I.</i> Детство и школьные годы	59
<i>Глава II.</i> Семья моего отца и друзья нашей семьи	121
<i>Глава III.</i> Университет	132
<i>Глава IV.</i> В суде (1872—1875)	153
<i>Глава V.</i> Музыка в Казани в шестидесятых — семидесятых годах	165
<i>Глава VI.</i> Н. И. Ильминский и моя служба в Казанской иностранческой учительской семинарии	179
<i>Глава VIIA.</i> Москва. Консерватория	219
<i>Глава VIIБ.</i> Москва. Синодальный хор и училище церковного пения	231
<i>Глава VIII.</i> С. А. Рачинский и Татеево	401
<i>Глава XI.</i> Придворная певческая капелла	424

Комментарии

К вступлению и главе I	507
К главе II	513
К главе III	516
К главе IV	518
К главе V	519

К главе VI	522
К главе VIIA	541
К главе VIIБ	544
К главе VIII	565
К главе IX	581

Приложения

<i>Приложение I.</i>	Памяти В. Н. Пасхалова	587
	Памяти С. А. Рачинского	592
	Знакомство со старообрядцами	597
	Значение современного старообрядчества для желающих изучить древнерусское церковное пение	601
<i>Приложение II.</i>	Степан Васильевич Смоленский. Биографический очерк (<i>Н. Ф. Финдейзен</i>).....	604
<i>Приложение III.</i>	Каталог опубликованных работ С. В. Смоленского с данными о местонахождении сохранившихся автографов и подготовительных материалов	627
	Именной указатель.....	636

От научного редактора

...Он был одним из больших русских людей — из тех, которым присваивается почетное звание «соль земли».

С. В. Смоленский о С. А. Рачинском

Перед читателями — текст, который дожидался своего времени ровно столетие. Текст пространный, захватывающе интересный, красиво и ярко написанный, хотя иной раз и не легкий для восприятия.

По нашему убеждению, Воспоминания Степана Васильевича Смоленского можно поставить в ряд лучших русских мемуаров описываемого автором периода — второй половины XIX века, от 60-х его годов и до первых лет следующего столетия. Включая Воспоминания Смоленского в серию «Русская духовная музыка в документах и материалах», мы сознавали, что по своему содержанию они не могут полностью «вместиться» в рамки данной тематической серии (а наверное, и какой бы то ни было иной), хотя к проблематике духовной музыки самым непосредственным образом относится бóльшая часть Воспоминаний — прежде всего седьмая и девятая главы, посвященные Синодальному хору и училищу и Придворной певческой капелле (по объему — примерно две трети мемуаров), а также фрагменты шестой главы, где рассказывается об опытах приобщения к церковному пению поволжских инородцев, отдельные очень выразительные страницы казанских глав, главы о С. А. Рачинском и т. д. Широта содержания Воспоминаний Смоленского, отражающая талантливость и многосторонность натуры их автора, который был прежде всего «деятелем жизни», а не только (и даже — не столько) педагогом, музыкантом, ученым, ставит перед публикаторами сложные проблемы при комментировании. Мемуары Смоленского не похожи ни на одни из известных нам «музыкальных мемуаров», потому что и сам Степан Васильевич не вписывался в какую-либо замкнутую среду. Если бы, допустим, его Воспоминания издавались в серии «общественно-политических» или «педагогических» мемуаров (что вполне возможно), к ним потребовался бы совсем иной комментарий, нежели тот, который дается здесь, в се-

рии «Русская духовная музыка»: естественно, мы уделяем преимущественное внимание этой стороне деятельности Степана Васильевича, нередко оставляя в тени иные моменты.

Затем, надо иметь в виду такую особенность природы Смоленского, как горячность, страстность, доходившую иногда до «пристрастности». Он был человеком, о котором хочется сказать стихами А. К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Конечно, любил Степан Васильевич хоть и самозабвенно, но все же «с рассудком», людей, вполне того достойных. Главные его наставники, те двое, кому посвящены специальные главы в Воспоминаниях, Н. И. Ильминский и С. А. Рачинский, — люди замечательные и деятели уникальные. А вот насчет «рубнуть сплеча» — это явно имело место. Подобной «рубкой» нужно считать прежде всего пространные пассажи в последней, девятой главе о Придворной капелле, написанные почти как дневник, чуть ли не день в день с происходившими событиями. И если в главе о Синодальном училище сильно и поделом достается малосимпатичным чиновникам вроде Ш¹ или Ш² (то есть прокурорам Московской Синодальной конторы А. Н. Шишкову и А. А. Ширинскому-Шихматову), то резкость написанного в девятой главе о замечательных музыкантах М. А. Балакиреве, А. К. Лядове и особенно о С. М. Ляпунове, а также и о более скромных, но полезных деятелях Капеллы вроде Е. С. Азеева или С. А. Смирнова не может не смутить читателя. Похожий случай есть в разделе о Московской консерватории, но там филиппики в адрес директора консерватории В. И. Сафонова уравниваются все-таки признанием его выдающегося таланта и крупных достижений; в девятой же главе никакой «компенсации» нет. Остается только призвать читателя, во-первых, сделать скидку на характер Смоленского и на ситуацию полного развала, которую он застал в Придворной капелле, а во-вторых, припомнить величие заслуг тех же Балакирева, Лядова и Ляпунова перед русской музыкой в целом.

Сам Степан Васильевич называет себя в эпилоге Воспоминаний «неисправимым семидесятником», то есть человеком 70-х годов XIX столетия. Это — сложное определение, включающее и непосредственное влияние предшествующей эпохи (кое в чем, и не в малом, Смоленский — типичный «шестидесятник»), и нечто иное. Здесь, кажется, возможна даже аналогия с «шестидесятниками» и «семидесятниками» следующего, XX века. По общему складу убеждений Смоленского, как и его любимого наставника Рачинского, можно отнести к позднему славянофильству — недаром же на последних страницах Воспоминаний возникает имя главы этого движения Ивана Сергеевича Аксакова, человека иного, чем Смоленский, поколения, но во мно-

гом (по темпераменту, по рисунку жизненного пути) близкого Степану Васильевичу. Однако Смоленский, в отличие от Аксакова, был не столько теоретиком и публицистом (хотя и ими тоже), сколько практиком. В его отношении к народу и народному искусству, к церковному пению в частности, есть «народнический» восторг, но преобладает трезвая и глубокая оценка, основанная как на любви и преклонении, так и на настоящем знании.

Главный, самый удачный и плодотворный период деятельности Смоленского приходится на царствование Александра III. Собственно, новые общественные настроения, связанные с этим царствованием, и вынесли Смоленского на «гребень волны»: из обаятельной, но все же провинциальной Казани в самый центр Москвы (в прямом и переносном смысле). Позволим себе привести достаточно длинную цитату из речи памяти Александра III, произнесенной в 1895 году К. П. Победоносцевым, то есть тем человеком, который и поставил мало кому известного в конце 1880-х годов казанского педагога и начинающего ученого во главе большого дела — реформирования Московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора.

«[В период между царствованием Александра I и вступлением на престол Александра III] протекло с лишним столетие. В этот период времени трудно исчислить, сколько сделало успехов, как выросло русское историческое самосознание. (...) Открыто и обнаружено множество новых памятников, осветивших историю народной жизни, явились молодые ученые с самостоятельными взглядами на учреждения и события и характеры, в обществе проснулся живой интерес к памятникам народного творчества в песнях, в былинах, в музыке, в архитектуре.

В Москве собрался кружок культурно образованных людей, одушевленных мыслью о необходимости народного самосознания в исследовании прошедших судеб страны своей и своего народа; они явились в обществе и в литературе с протестом против ложного отношения к русской жизни и ее потребностям, против самодовольного невежества и равнодушия ко всему, что касалось до самых живых интересов России. Это были люди, искавшие в прошедшем своей родины идеала для устройства будущих судеб ее, и они первые сознательно выяснили перед всеми нераздельную связь русской народности с верою и с Православною Церковью. (...) Посреди таких явлений возрастал и образовался будущий император».

В этих словах описан, вообще говоря, идеал Смоленского, который преклонялся перед русским народом, был убежденным «государственником», до конца дней своих верил в величие исторической миссии России и в «народного царя» (ненавидя и презирая при этом окружающую царя бюрократию), являлся, по его собственным словам, «искренне православным», притом церковно православным — и «генетически», по происхождению, и по личным убеждениям.

Отсюда острая боль, которая выплескивается на страницах Воспоминаний в связи со всем тем, что омрачало высокий идеал. Гневные суждения

Смоленского о «чиновничьем царстве» в многоликих его проявлениях (скорее всего, именно действия чиновников и укоротили жизнь этому от природы очень сильному и здоровому человеку) в особых комментариях не нуждаются. Предполагаем, однако, что многие читатели будут поражены — как были поражены и мы — теми страницами московской главы Воспоминаний, где Смоленский пишет о нравственном состоянии церковной среды, которое раскрылось ему при переезде из патриархальной Казани в древнюю столицу. Это — жесткие и даже жестокие страницы, но у нас нет оснований сомневаться в правдивости всегда искреннего и прямого Смоленского. Речь здесь не идет о каких-то личных столкновениях с церковными кругами по поводу деятельности Синодального училища или пения Синодального хора. Смоленский умел отделять частное от общего: так, например, испытывая трудности в служебных отношениях с митрополитом Московским Иоанникием, он все же пишет о нем как о достойном, добром и честном человеке. А чтобы понять глубину душевной оскорбленности Смоленского обнаруженными им, скажем мягко, «нестроениями» в церковной среде, надо вспомнить ту проникновенную нежность, с которой он говорит на других страницах своих мемуаров о духовных светочах русской земли: о будущем митрополите Московском Макарии (Невском) — «совершенно праведном иноке, великой добродетели перед Господом»; о просветителе северных народов, епископе Якутском (впоследствии — Уфимском) Дионисии, герое гениальной повести Лескова «На краю света»; о пламенном православии новокрещеных инородцев, о московских «любителях церковных искусств» из простонародья, наконец, о старообрядцах, поразивших его при первой случайной встрече и, собственно, наставивших его на тот путь, которым он шел далее до конца жизни...

Все это и многое другое в Воспоминаниях Смоленского заслуживает самого серьезного осмысления. Несколько проще обстоит дело с профессиональной деятельностью Степана Васильевича в области церковного пения: тут и он сам подробно рассказывает обо всем, и комментарии дают много дополнительного интересного материала. Важно, думается, только подчеркнуть несколько моментов.

Во-первых, Смоленский, с детства певший в церковном хоре, выросший в среде профессуры Казанской духовной академии, пришел к последовательным занятиям церковным пением зрелым человеком, получив два университетских образования (юридическое и филологическое), приобретя значительный педагогический опыт и — будучи полным автодидактом в специально музыкальной сфере. Здесь он — типичный русский «самородок», но с очень крупной и рано проявившейся одаренностью, позволившей ему и овладеть практически игрой на нескольких инструментах, и сформировать весьма широкий музыкальный кругозор — шире, чем у профессоров Московской консерватории, с которыми он повстречался в более поздние годы и которые, в значительной их части, отнеслись к Смоленскому, с его увлеченностью древнерусским искусством, более или менее скептически. Примеча-

тельно при этом, что ближайшим его товарищем в консерваторской среде стал самый достойный и образованный музыкант Москвы того времени — Сергей Иванович Танеев.

Во-вторых, в отличие от деятелей в области церковного пения предшествующего периода, которые подходили к задачам обновления и реформирования этого пения во многом с историко-теоретических позиций, Смоленский, будучи настоящим ученым, опирался все-таки прежде всего на свой живой слуховой опыт и непосредственное эстетическое чувство. Церковное пение явилось для него (как и для его друга С. А. Рачинского) той областью, где пересекались любовь к народу, к России и любовь к идеальной, возвышенной красоте. Смоленский высказывал свое заветное убеждение, когда в финале статьи «О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения» призывал отечественных музыкантов обратиться к изучению этого мира: «...смею думать, что ознакомление с нашими древними церковными напевами вполне необходимо каждому русскому музыканту, особенно же начинающему композитору... И отчего бы не задуматься каждому из них над причинами того, почему иногда его обуревают чувство беспочвенности? почему же так чужд его духу целый мир вековых и родных музыкальных идей? {...} Своеобразные мелодии, прекрасные по форме и содержанию, совершенно оригинальные ритмы не могут не удивить, не могут не освежить мирозерцание современного русского художника и должны отрезвить его простотою, ясностью и глубиною их мыслей». Так писал Смоленский в 1899 году, и едва ли ошибался.

Наконец, выдающийся организатор и педагог по природным своим данным и по воспитанию, Смоленский был в душе и ученым, и художником одновременно. Художественность природы Степана Васильевича читатель Воспоминаний ощутит с первых же страниц. И таков же он в своих научных работах — отсюда их непревзойденная яркость и огромное место, которое занимают в них интуитивные прозрения и всякого рода «догадки».

Не будем снова возвращаться к вопросу о роли Смоленского в истории русской духовной музыки, отечественной музыкальной медиевистики и т. д. — об этом достаточно подробно говорится как во вступительной статье Н. И. Кабановой, так и во всех предыдущих томах серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», где широко представлены и работы Смоленского, и тексты о нем. Здесь же хочется сказать о многолетнем подвижническом труде исследовательницы из Брянска Надежды Ивановны Кабановой, которая, преодолевая бесчисленные трудности, подготовила к печати текст Воспоминаний, и вообще — первой осмыслила рукописное наследие Смоленского. Ее вступительная статья к этому тому не просто предваряет Воспоминания, но дает читателю многогранное представление о содержании неопубликованного архива Степана Васильевича.

Что касается рукописи Воспоминаний, то она явно была хранима судьбою. Долгое время путешествуя по разным рукам, она не подверглась унич-

тожению в бурном водовороте отечественной истории XX века, а вовремя «осела» в очень надежном месте — в квартире (потом — Музее-квартире) великого русского дирижера Николая Семеновича Голованова. И это было вовсе не случайное попадание. Голованов не просто интересовался документами своей alma mater — Синодального училища; он и в самые трудные годы, подчас рискуя (и ему было чем рисковать — например, постом главного дирижера Большого театра), писал духовную музыку (правда, «в стол»), собирал русскую религиозную живопись и иконопись, поддерживал московское духовенство, ни от чего в собственном прошлом не отрекался и вообще вел себя храбро и достойно. Смоленский мог бы гордиться таким выпускником своего любимого Синодального училища.

Хотелось бы выразить особую, самую теплую признательность сотрудникам Мемориального музея-квартиры Н. С. Голованова — В. И. Руденко и О. И. Захаровой, проявившим редкое понимание и терпение в связи с подготовкой к печати рукописи Воспоминаний С. В. Смоленского, а также принести благодарность руководству Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки и лично генеральному директору А. Д. Панюшкину.

Текст Воспоминаний печатается по правилам современной орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых особенностей оригинала. Позднейшие вставки автора выделяются курсивом. Максимально воспроизводятся «дополнительные материалы» — схемы и нотные примеры (факсимиле). Относительно вклеенных в рукопись печатных текстов было решено ограничиться двумя вырезками из «Русской музыкальной газеты» — очерком о В. Н. Пасхалове и заметкой памяти С. А. Рачинского. Не воспроизводятся три другие печатные вклейки — воспоминания о Казанском университете и воспоминания о Н. И. Ильминском — как во многом совпадающие по содержанию с соответствующими главами основного текста, а также заметка памяти А. А. Эрарского; не перепечатывается также вклеенная в восьмую главу вырезка из газеты «Новое время» со статьей о Рачинском В. В. Розанова. К двум печатным документам в Приложении присоединяются рукописные дополнения Смоленского к разделу о старообрядцах, не вошедшие в автограф Воспоминаний, но примыкающие к нему по смыслу. Что касается помещаемого после материалов Смоленского «Биографического очерка» Н. Ф. Финдейзена, то его публикация, на наш взгляд, не только отчасти восполняет не освещенный в Воспоминаниях последний период жизни Степана Васильевича, но и расставляет некоторые важные вехи и акценты в отношении всей его биографии, показывает, как оценивалась его деятельность современниками.

Марина Рахманова